

Р.Таминдаров

Полынь - трава горькая

16+

Равиль Таминдаров

Полынь – трава горькая

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Таминдаров Р.

Полынь – трава горькая / Р. Таминдаров — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Полынь горькая - это многолетнее дикорастущее растение с характерным специфическим ароматом и очень горько-терпким вкусом... Порой в жизни людей происходят события, которые оставляют горький след, меняющий судьбы и иногда приводящий к смерти. В этот сборник вошли рассказы, в основу которых положены истории простых людей, чьи истории когда-то были услышаны и слегка переработаны автором.

Содержание

Утро	5
Чаепитие	6
На даче	8
Полынь – трава горькая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Утро

Отложив в сторону "Устав боевой Кама сутры", она сладко потянулась, каждой клеточкой ощущая красоту и упругость своего тела.

– Пора, – скомандовала она сама себе, быстро выскочив из кровати. Проходя мимо зеркала, мгновенно оценила своё отражение.

– Однако расслабилась.

Интенсивная зарядка, контрастный душ, растирание, лёгкий макияж.

– А теперь одеваться.

Белоснежное, в невесомых кружевах белье приятно щекотало кожу. Обтягивающая, но не стесняющее движение юбка, лёгкая, удобная блузка, туфли на высоком каблучке, сумочка. Всё. Готова.

– С Богом, – коротко вздохнув, она открыла дверь и окунулась в бурлящую суету города. Ей предстоит долгая и трудная дорога на городском транспорте, где понадобятся вся её сила, энергия и искусство выживать, чтобы добраться до своего рабочего места...

2006 г.

Чаепитие

80-е годы

Встретились как-то три товарища. Так просто встретились, посидеть, поболтать. Решили чаю попить.

– Только, извиняйте, сахару нет, – сказал один.

– Ничего, мы и без сахара обойдёмся, – успокоил его второй. – Вот пойдём и купим торг...

– А торгов тоже нет, – остановил его первый и добавил, – свежих.

– Тогда конфет возьмём, шоколадных, – не унимался второй.

– И конфет нет, – вздохнул первый. – Вот только и могу предложить, что карамельку.

– Тогда давайте пить чай в присказку, – предложил третий. – И чтоб, значит, чай слаще был, истории начнём рассказывать. Кто расскажет самую невероятную историю, получит в награду карамельку.

И все согласились. Разлили чай. И первый начал:

– Как-то раз открыли в нашем городе новый магазин. Решил я зайти. Захожу. Красивый такой магазин. Большой, светлый. У входа, на самом видном месте, стоит "Книга жалоб и предложений". И ручка рядом, с золотым пером. Шикарно!

Навстречу мне спешит продавец. В чистейшем халате.

– Здравствуйте, – говорит.

– Здравствуйте, – отвечаю.

– Что желаете? – спрашивает.

– А у вас есть? – тоже спрашиваю.

– Конечно, – отвечает.

– И в продаже?

– А как же!

– Тогда, икры чёрной, баночку, говорю, и сосисок, и сахару.

– Пожалуйста, – продавец улыбнулся и через минуту все принёс. И тут же задаёт вопрос:

– Чего ещё желаете?

– Да, у вас, – говорю, – наверняка, нет.

– Есть, – говорит.

– Тогда мне машинку швейную с компьютером. И порошок стиральный.

Продавец вновь улыбнулся, сказал: "Пожалуйста" и принёс все, что я заказал.

– Спасибо, – говорю, – большое.

И пером золотым благодарность записал в "Книгу жалоб и предложений".

– Это возможно, – оценил рассказ второй. – Начальство, наверное, приехало или кино снимали.

– Или это было за границей, – подхватил третий.

– Да-а уж, горьковат чаек, – вздохнул первый.

– Обыкновенный. Грузинский. Второй сорт.

– Слушайте теперь, что я вам расскажу, – отставил чашку второй:

– Мне всегда везло на приключения. Поднимется ветер, сорвёт шляпы с прохожих и одна из них попадает в моё лицо и в тот самый момент, когда я перехожу по шаткой доске через очередную яму на улице. Я в яме, шляпа в грязи, хозяин шляпы в гневе. Народ веселится. И так каждый раз. Как-то раз еду я на своём "Москвиче". Ветерок эдак, знаете ли, свищет. За окном столбы мелькают, машины. Радио что-то "Маяком" мурлычет. Хорошо! Еду. А в это время, где-то за облаками, самолёт летит. Нормальный советский самолёт, ЯК 40, наверное. Я еду. Он летит. А впереди мост, через реку. Широкий такой мост. Вот на этом-то мосту и заглох

у меня мотор. Не то бензин кончился, не то гарантия. И в это самое время, где-то из созвездия Кассиопеи, прилетел метеорит. Здоровый такой, железный, метеорит, в общем. И угодил он прямо, что ни на есть в хвост этого самого самолёта Як40. Жуткое, знаете ли, зрелище. Хвост сам по себе, самолёт сам по себе, и метеорит соответственно рядом, и вся эта компания падает прямо на мост, где мой "Москвич" застрял. Увидел я это и сиганул с моста. Только потом подумал о парашюте, которого не было. А самолёт упал. Прямо на мост. И, даже больше того, на мой "Москвич". "Москвич" – всмятку. Самолёт – тоже. Выскочили из него пилоты, руками машут. Радостные такие. Каждый по-разному эмоции выражает. Один бегает и кричит, не то "Выхожу из штопора", не то "Не нахожу штопора", а другой про Вины Пуха запел, которому хорошо живётся. А третий совсем ошалел. Останавливает машины, вытаскивает водителей и с возгласами: "Я воскрес! Воистину воскрес!", троекратно всех целует. Посмотрел я на их радость, бросил прощальный взгляд на удивлённо пролетающих мимо птичек и собрался дальше падать. Но не тут-то было. Повис я между небом и землёй, зацепившись подтяжками за трубу, что из моста торчала. Хорошие такие подтяжки. По случаю знакомые из Германии привезли. На три часа моё падение затянулось, пока пожарные не приехали и не спасли.

– История, конечно, необычная, – отозвался первый, когда рассказчик умолк. – Но вполне вероятная. По теории такой, теория вероятностей называется. Бывает, что и моторы глохнут, трубы торчат, метеориты с самолётами падают.

– Это ещё что, перебил его третий, – вот послушайте, что со мной произошло:

– Отключили в очередной раз в нашем доме воду. Да и свет заодно. И поэтому я опоздал на автобус. А до работы далеко. Автобусы ходят строго по расписанию, три раза в сутки. Решил я пешком добежать. То бегу, то иду. А времени – в обрез. Опаздываю. Вдруг слышу – догоняет меня машина. Глянул – директорская "Волга". Мы с ним соседи по дому. Остановилась машина, директор окно открыл и говорит: "Уж, не на работу ли торопишься, Афанасий Терентьевич? Садись, подвезу, не то опоздаешь..."

– Ну, этого не может быть! – в один голос закричали товарищи Афанасия, прерывая его рассказ.

– Это ты, брат, заврался, – пожурил его первый и протянул карамельку.

– Почему?

– Потому что этого не может быть никогда, – назидательно ответил второй и перевернул чашку.

1987 г.

На даче

Лето выдалось жаркое. Солнце раскалённым шаром висело над землёй, бесстрастно взирая на раскинувшийся внизу город, с его суетливым движением, с вечно спешащими жителями. На окраине города, подобно пёстрому цветнику, расположились причудливые домики. Дачи. Творение истинно народного зодчества из подручных и подножных материалов. По вечерам, и по выходным, на дачах бывает многолюдно. Но в будни редко кого увидишь на "фазенде", как иногда называют свои садовые участки горожане, после известного бразильского сериала. Тем более странным было видеть праздну гуляющих по аллеям молодых парней, словно хозяева обходивших свои владения. Они останавливались у каждого участка, оценивая, у кого, что растёт.

– Вась, глянь у этих все помидорами засажено, – воскликнул один, облокотившись на забор. – Зелёные ишо.

– А малина есть? – спросил тот, кого назвали Васькой.

– Не, не видно.

– Тогда пошли дальше.

– А вот и малина, – показал третий на соседнюю дачу.

– Это то, что надо, – Васька решительно направился к калитке, – Пошли мужики, полакомимся.

Все трое, довольно посмеиваясь, разбрелись по участку, оценивая не только на глаз, но и на вкус все, что росло на грядках.

– А морковка ничего, сочная, – проговорил один, заталкивая в рот, выдернутый из грядки и обтёртый об рукав оранжевый стручок.

– Молодцы, хозяйева, регулярно поливают, – подтвердил Васька. – Ладно, пошли на малину.

У самого забора, в глубине участка, густели кусты, украшенные крупными, сочными ягодами. Малина. Трое парней деловито принялись обирать кусты, посылая в рот одну ягоду за другой. Если до ягод было не дотянуться, ветки безжалостно обламывались.

– Не, я так не люблю, – Васька остановился над очередной ягодой.

– А чё, те не нравится то? – прошамкал его товарищ, облизывая пальцы.

– Хотелось бы, чтоб ложкой, да из кружки. Ты бы сбежал, Санёк, притаранил нам по кружке с ложкой.

– А я где возьму? – перестал оближивать пальцы Санёк.

– В домике, – Васька показал на дом, – или забыл, как это делается?

– Чего-то не хочется сегодня, – замылся Санёк.

– Эй, Витёк, – Васька пытался разглядеть третьего товарища в зарослях малины, – Чего это ты разлётсся как свинья в берлоге?

– Че надо-то? – недовольно пробурчал Витёк.

– Глянь, что там, в домике, может кружку, какую найдёшь?

– А на кой она мне?

– Дурашка, малину жрать.

– А сам чё, не можешь?

– Я в следующий раз пойду. Давай, Витёк, не жмись, сходи, у тебя рука лёгкая на это дело.

– Ладно, счас приду.

Витёк в развалку подошёл к домику, потрогал замок, покачал головой.

– Хороший замок. Однако ломать надо.

Найдя обренок трубы, он натренированным движением сорвал замок и вошёл внутрь.

– Эй, Толстый, провалился там что ли? – нетерпеливо закричал Васька.

- Иду уже, – подал голос Витёк, выходя из дому и держа в руках две банки.
- Кружек нет, – констатировал он, – но есть кое-что получше. Гляди.
- Он показал банки.
- Варенье! Смородиновое! Сладкое, наверное. А вот и ложка.
- Ты гений, Витёк! Я в тебе никогда не сомневался.
- Чего уж там, – засмутился Витёк.
- И друзья удобно уселись, чтобы оценить качество и вкус варенья.

От автобусной остановки, шли отец с сыном. Они весело переговаривались, посматривая по сторонам. Отец доброжелательно отвечал на вопросы сына, которых у последнего было нескончаемое количество.

– Папа, смотри, у соседей кто-то есть, – воскликнул сынишка, показывая пальцем на кусты малины, где шло пиршество троих друзей.

– Эй, парни, вы, что там делаете? – мужчина остановился у ограды.

– Дрова рубим, – лениво огрызнулся Васька, – Твоя дача что ли? Сидеть!

Рыкнул, на сорвавшихся было бежать своих товарищей.

– Я знаю, чья это дача. И точно не ваша. Так что уходите.

– Мужик, ты бы проходил мимо, а? – Васька подмигнул своим слегка заробевшим товарищам, и потянулся к банке, – Мы тебе не мешаем. Вот отдохнём и дальше пойдём...

– А я говорю, уходите. Я сейчас милицию вызову.

– Так она и приехала, – хихикнул Витёк.

– Забирай своих дружков и уходи! – Разозлился мужчина, и вошёл в ограду.

– Мужик, ты меня, достал, – зло процедил сквозь зубы Васька, медленно поднимаясь с земли.

– Ну, счас начнётся, – нервно хихикнул Витёк,

– Ага, – поддержал его Санёк, вставая.

– Мужик, наплачешься ты с нами, – усмехнулся Васька, демонстративно разминая пальцы.

– Ах ты, щенок, – мужчина протянул руку и схватил Ваську за ворот рубашки.

– Папа, папа, – закричал за оградой сынишка.

Васька извернулся, и что было сил, ударил противника в пах. Мужчина, охнув, присел на корточки, выпуская ворот рубашки.

– А это тебе за щенка, – Васька ударил с разворотом ногой в лицо.

Мужчина упал на землю, обливаясь кровью. Васька стал яростно пинать его ногами. К нему подскочили дружки, и возбуждённо покрикивая, избивали уже не двигающегося мужчину.

– Папа, папа. Не бейте папу, – подбежал к ним мальчик.

– Тебе папа нужен? – вскричал опьянённый дракой Васька, и, не сдерживаясь, ударил мальчика по голове. Тот, хрипнув, упал на землю, задёргался и затих.

– Сматываться надо, – сдавленно проговорил Санёк, в ужасе смотря на неподвижно лежащие тела, и попятился к выходу.

Витёк, оцепенело уставившийся на тело затихшего мальчика, вдруг закричал и, что было сил, бросился к калитке. За ним Санёк. Отталкивая друг друга, они с трудом протиснулись в калитку, побежали по аллее.

Васька ещё несколько секунд смотрел на дело свой рук, затравленно оглянулся по сторонам, и побежал напрямую, через заборы...

Солнце продолжало бесстрастно изливаться на землю очередную порцию августовского зноя. Наливались спелостью помидоры, ягоды. На отдельных участках копошились над гряд-

ками дачники, увлечённые своей работой, равнодушные ко всему, что не касается их дачных участков...

1987 год.

Полынь – трава горькая

Моей матери посвящается.

1949 год.

По небу ползли тяжёлые свинцовые тучи. Порывы холодного ветра волнами пробегали по пшеничному полю, разнося запахи земли, хлеба и полыни.

У дороги стояли двое мужчин. Оба в брезентовых плащах, в кепках.

– Как думаешь, комиссар, – проговорил один из них, что повыше ростом, – хлеб сдадим?

– Не знаю, Иван, не знаю, – вздохнул второй. – Сам видишь, хлеб на корню гниёт. Поля полынью поросли.

– Да-а. На быках, да на бабах далеко не уедешь.

Председатель колхоза Иван Тимофеевич достал папиросу, закурил.

– Холодно-вато, – пыхнул он дымом.

– Осень ранняя, – парторг глубже засунул руки в карманы плаща.

– Эх, нам бы ещё пару недель погоды. Может, и успели бы хлеб убрать, – председатель глубоко затянулся дымом. – Придётся сдавать весь хлеб, – проговорил он, выпуская дым.

– И семенной?

– И семенной.

– А людям что скажешь, – парторг угрюмо посмотрел на председателя. – И чем за трудодни считаешься?

Председатель окутался папиросным дымом.

– Разрешим дрова рубить в ближнем лесу. Да и горох ещё остался.

– И разрешить оставшуюся на полях картошку собирать. Все равно ведь сгниёт.

– Картошку? Посмотрим, – председатель затоптал папиросу. – А за хлеб, если не сдадим что по плану положено, с меня, да и с тебя не только шкуру спустят.

– А люди?

– А что люди? Такую войну прошли, выжили. И сейчас справятся. А у меня партийный билет один. Да и голова – тоже.

– Ладно, поехали.

Председатель, а за ним парторг направились к телеге.

– Слушай, комиссар, – председатель повернулся к парторгу, – надо школьников привлечь.

Четвёртый, пятый классы в поле. Пусть хоть полынь из пшеницы повывёртывают. А старших – на уборку картофеля.

– Четвёртый – то зачем? Малые ведь.

– Ничего. Сам видишь, не сегодня-завтра дожди начнутся. А так хоть без полыни косить будет можно.

– Вижу, – парторг зло сплюнул. – Родители могут не отпустить.

– Да брось ты, – отмахнулся председатель. – Надавишь на сознательность. Пообещаешь, что, мол, накормишь детей. Тогда сами приведут.

Председатель стегнул жеребца.

– Не подействует, скажешь, – саботажники, мол, правительственное задание срывают. В общем, сам знаешь, что говорить.

Роза, как обычно, встала рано. Солнце только послало свои первые лучи из-за горизонта. Но все старшие ушли ещё раньше. Мать – на ферме, отец пропадает в полевой бригаде. И братья вместе с ним. А сегодня и Роза, как взрослая, тоже идёт работать в поле. Работать, а не как раньше – отнести старшим обед. Сегодня всем классом выезжают. Ой, не опоздать бы.

Она быстро собралась, взяла приготовленную для неё краюху хлеба и бутылку с водой и убежала.

Возле школы было оживлённо. Деловитые первоклашки проходили мимо бурлящей толпы учеников, стоявших кто с узелком, а кто и с пустыми руками, и скрывались за расхлябанной дверью старой, с обшарпанными стенами, школы. Роза снисходительно поглядывала на них. Мелкота. Учиться идут.

Вместе с учительницей подошла бригадир. Звали её Мария Ивановна, но за глаза называли "Иваныч" – за мужскую привычку не выпускать папиросу изо рта, за засаленную телогрейку и за огромные кирзовые сапоги. Солдатская вдова. Муж её погиб в сорок втором, осталась одна с тремя детьми на руках. Самому младшему ещё нет и восьми. В бригадирах уже третий год.

За это время научилась управлять не только бабами, но и мужиками. Она шла с учительницей, и что-то говорила ей, не вынимая изо рта папиросу. Та удручённо качала головой. Бригадир вспылила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.